

многимъ малодушнымъ и легкомысленнымъ людямъ императоръ то прощалъ своихъ враговъ, то бралъ свое прощеніе назадъ и предательски нападалъ на нихъ; то обнаруживалъ чрезмѣрную боязнь, то гордое упованіе на свои силы. Онъ, наконецъ, прибѣгнувъ къ опросу всѣхъ сословій на покорной ему имперской территоріи, желаютъ ли они отомстить за поруганную будто бы саксонцами императорскую честь, и, получивши утвердательный отвѣтъ, предпринялъ неутошительный походъ въ Саксонію. Такой опросъ являлся и ненужной и опасной мѣрой предъ тѣмъ временемъ, когда дѣйствительно императоръ съ гораздо большимъ правомъ могъ потребовать дѣятельной поддержки всей націи, предъ эпохою борьбы съ Григоріемъ. А въ эти годы уже выяснилось, что безъ борьбы не обойдется. Началось дѣло съ того, что Григорій сталъ активно преслѣдовать симонію въ Германіи: онъ смѣнялъ нѣсколькимъ епископовъ, получившихъ свои должности за деньги. Случайно или изъ тонкой дипломатіи наша сперва смѣнялъ лицъ, неприятныхъ императору, и, конечно, ужъ Генрихъ IV не оказался способнымъ на привѣщательный протестъ. Далѣе, онъ приказалъ всѣмъ германскимъ священникамъ прогнать отъ себя своихъ женъ и дѣтей, а несогласныхъ и противящихся декрету о безбрачій, Григорій объявлялъ недостойными священнослужительскаго сана. Роль миланскихъ патаровъ, папскихъ приверженцевъ и агитаторовъ въ пользу безбрачія — въ Германіи сыграли главнымъ образомъ монахи; благодаря ихъ подстрекательствамъ и въ Германіи не обошлось безъ насилій и надругательствъ надъ тою частью духовенства, которая противилась вводимой реформѣ. Наконецъ въ 1075 г. Григорій открыто возсталъ противъ инвеституры, безраздѣльно дарившей въ Германіи, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ уничтожить зависимость епископскихъ мѣстъ отъ воли свѣтскихъ лицъ, онъ послалъ къ Генриху легатовъ, которые, развѣдавши уже въ деталяхъ о тяжеломъ и неустойчивомъ положеніи императора, предстали предъ Генрихомъ съ рѣшительнымъ требованіемъ отказаться отъ инвеституры и еще болѣе рѣшительнымъ предложеніемъ явиться въ Римъ для оправданія предъ папою въ своемъ поведеніи. Это послѣднее требованіе являлось чѣмъ-то уже совершенно новымъ и противузаконнымъ,